

Я В ТВОЕЙ ГОРСТИ

* * *

Случайно, всё случайно на земле.
Случайны эти сборища правительств,
Сервантеса случаен добрый витязь.
Случаен свет и урожай, и хлеб.

Случайна осень с жёлтыми холмами,
паденье оземь переспелых груш...
Лишь не случайны звёзды, что над нами,
и нравственная тайна наших душ.

ДАЛЕКО ДО ПАСХИ

За счастьем бегут огоньки-поезда,
весной не по-мартовски жарко...
Вечерня. Слезою стекает звезда
к застрехе церковной неяркой.

Обещанный праздник: причащением жить,
коль святости нет и в помине,
и верить, как верит голодный в коржи
горячего хлеба на тмине...

Великая боль отзовется во мне
всех, верящих крепко и свято —
и я залюбуюсь в церковном окне
на тусклые блики заката

и вспомню, что мы не умрём никогда...
Так что ж мне так грустно, так странно
смотреть на бегущие вдаль поезда
у храмовой двери желанной?

* * *

Каюсь, каюсь, грешен!
Прожил без креста.

От избытка сердца говорят уста...
Жду постов тревожно,
Господи, прости!
Чувствую всей кожей:
я в Твоей горсти...
И не слаб я телом,
а душа в крови:
что ж я не у дела
Истинной Любви?
Дай найти под небом
мне Твои следы...
Впрочем, не как мне бы —
а как хочешь Ты.

* * *

Пригубил я святого питья
окаянной душою поэта.
Как тонка эта грань бытия:
вот ты есть — и тебя уже нету...

* * *

Сверкала мысль — как солнце по ножу,
а где-то под столом пищали мыши...
Жена ему сказала: «Ухожу!» —
а он творил и даже не услышал.

Друзья забыли, умерли враги...
Чернильница сочилась чёрным соком,
и бился ветер крыльями пурги
в косые стёкла перемёрзших окон.

Он кашляет в глухую полутьму,
на пальцы леденеющие дышит.

Теперь хоть смерть сама стучись к нему —
он не откроет ей: он не услышит...

ДУША-ХРИСТИАНКА

Мы не живём, а выживаем:
в молитве благодсти не знаем,
и всё забота нам одна —
о мере хлеба и вина...

Но там, откуда все мы родом,
одна цена смертям и родам,
усердью, грусти и уму:
успенье всем — и никому...

Но даже в дни неверья, скуки,
в мгновенья горя и разлуки,
душа, молясь, напомнит нам
о Благовещении — ТАМ!..

* * *

Кто я? «Искатель счастья»
у вечности в гостях,
или певец ненастья,
несущий гром в горстях?
Или крестьянин-пахарь,
что бросил свой пустырь,
людским печалям знахарь
и былям поводырь...

Я сам — в цепях поверья...
и беден, как Иов.

Хозяин-подмастерье
у собственных стихов.

Я тот, в ком дух играет,
я боль живых рубцов!
Иль — тот, кто отделяет начала от концов?

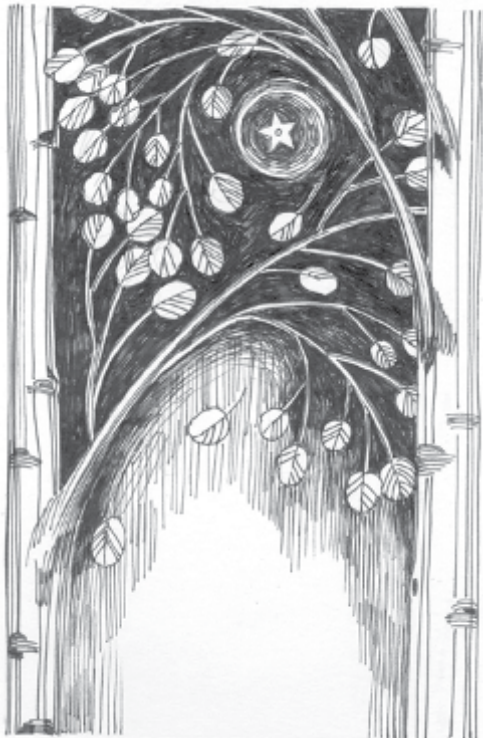
И в путанице вечных пределов бытия,
в беседах, в снах беспечных,
в раздумьях — тоже я.

В тщете о чёрном хлебе
погрязла жизнь моя...

Земная грусть о Небе — вот что такое «я».

* * *

Мне не пишется, не спится:
дивная звезда
в крестовину рам глядится...
Постная среда.

В чайном блюде отражаясь,
лампочка горит,
счётчик весело мотает
и жужжит-бежит.

Я крепчайший чай мешаю,
словно век — один...
И стоит звезда большая
между двух осин.

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Наделённому жизнью,
обречённому смерти,
одержимому всяких страстей
круговертью —
всё равно: со щитом,
на щите ли прияти
к той плите,
где конец и начало пути...

Только кажется мне,
тот лишь будет спасён,
кто к плите

на щите
принесён.

* * *

Мне смежить бы усталые веки
и стереть незаметно слезу...
Нет «Евангеля» — нет человека
там, где правило: «зуб за зуб».

Вот и всё, чему жизнь научила:
верить — верь, доверяться — не смей!
Если ж нет уже выстоять силы,
гнись, но лоб о порог не разбей.

Собираясь, как прежде, в дорогу,
улыбнись — и себе говорю:
«Тот, кто раб Всемогущему Богу —
не холоп никакому царю».

* * *

Ковыль, что чернее горя,
попынь, что белее снега...

Давно ли, с судьбою споря,
и сам я за счастьем бегал?
Внимал Ярославны плачу,
степные берёг поверья...
За крылья хватал удачу —
в руках оставались перья...
И вот, теперь открываю
на ветхозаветной планете
свой новый, подобный раю
мир: он в Боге и детях.

* * *

Пахнет ягодой жёлтый дрок,
ветерка по травам судорога,
обступили грибы дубок,
как учителя мудрого...

Край речонки морщинит слегка,
носит ветер перо и солому...
Я на вёслах плыву в облака,
словно к Отчему Дому.

